

«УТВЕРЖДАЮ»

Врио ректора
ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»,
кандидат юридических наук

О. В. Кузьмина

« 10 » 09

2021 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
на диссертацию Белова Сергея Игоревича
«ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В ОТНОШЕНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 2008—2018 ГГ.»,
представленную на соискание ученой степени
доктора политических наук по специальности
23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии**

Диссертация С. И. Белова посвящена одной из значимых проблем гуманитаристики. Она имеет непосредственное отношение к политологии, социологии, истории, философии (философии сознания), семиотике и ряду других сфер социо-гуманитарного знания. Политика памяти, как верно показывает автор, имеет несколько измерений, каждое из которых значимо при комплексном рассмотрении этого феномена. Главной идеей, которую, на наш взгляд, диссертант закодировал в своей работе, является мысль о детерминационной транзитивности: модель «настоящего прошлого» (когда прошлое определяет настоящее и будущее) постепенно трансформируется в модель «настоящего будущего» (когда будущее определяет настоящее и будущее). Именно этим, с нашей точки зрения, обусловлен «проекционно-гармонистический» настрой исследования.

Концептом диссертационного исследования является политика памяти (прежде всего в формах «ревизии истории, или исторической памяти», «мемориальной политики», «мемориальных конфликтов» и т.п.) — феномен, который в экономически развитых странах набирает силу в последние два десятилетия одновременно как фактор развития внутренних процессов и как детерминанта поведения элит на международной арене. Вместе с тем собственно объектом исследования выступает трансформационная специфика политики памяти, а предметом — мемориальные практики мирополитических акторов, на примере которых фиксируются типовые модели реализации мемориальной политики на государственном уровне.

Выбор в качестве метакейса Второй мировой войны обусловлен его бифуркационным характером для последующего общечеловеческого развития. Символический потенциал Второй мировой войны фактически существует «вне исторического времени» и, во многом, вне культурно-исторического пространства. В нашей терминологии попытки ревизии истории Второй мировой войны, в частности, для реактуализации геополитической картины мира, реабилитации и распространения экстремистских идеологий, имеют непосредственное отношение к проблематике ноосферной безопасности. С этим в первую очередь связана, на наш взгляд, актуальность диссертационного исследования, представленная автором в историко-политологическом дискурсе.

«Хронотоп» диссертационного исследования следует рассматривать в рамках принципа неопределенности, когда детализация одного из факторов предполагает абстракцию другого: номинально определенная хронология «свободна» («выходит за свой нижний предел»), а неартикулированная в названии топология, напротив весьма конкретна. Вместе с тем, фиксация хроноса и топоса работы — ответственность автора, тем более, что в его выборе усматривается определенная логика.

Амбициозная цель, которую ставит перед собой С. И. Белов, — решить проблему деструктивного использования памяти о событиях Второй мировой войны... — на наш взгляд, ограничивает «полет мысли» автора. Допускаем, что идея позитивной истории выступает глубинным регулятивом исследования, но вернее было бы вести речь об определении специфики и векторов трансформации коллективной памяти о событиях Второй мировой войны и различий исследуемых социокультурных коммеморативных практик, где предложения по совершенствованию «мемориальной концепции» выступили бы практикоориентированным венцом авторского замысла.

В методологической плоскости диссертация претендует на междисциплинарный статус: исторический, социологический, политологический и «киберметрический» инструментарий в целом позволяет автору верифицировать предлагаемую концепцию. Практическая часть исследования выстраивается на основе глубокого анализа теоретико-методологических подходов к изучению социальной памяти, символической и мемориальной политики. Системный подход, выступающий фундаментом для богатой палитры разнообразных подходов, позволяет рассмотреть политику памяти в нашей терминологии — на субстратном, структурном и концептуальном уровнях, а в купе с методом фронезиса — осмыслить самоорганизацию рассматриваемой системы в контексте социокультурной(ых) практик(и). Отдельно следует отметить, что автор, в отличие от предшественников, не ограничивает применение компаративного подхода сопоставлением мемориального нарратива, исследуя также репертуар коммеморативных практик и реконструируя систему функционирования государства как мнемонического актора.

В целом разделяя гипотезу исследования, заметим, что, с нашей точки зрения, вопрос об «компромисности» моделей памяти о войне изначально трудноразрешим в силу самого феномена войны (если анализировать его через призму онтологизации зла), где есть победитель и побежденный, и

принимаемой автором логики «здравого смысла», где, например, «присоединение» и «аншлюс» не являются тождественными понятиями. Насколько потенциал «умной силы», к которой, как кажется, имплицитно апеллирует автор, достаточен для выхода из подобной ситуации амбивалентности, покажет только время.

Если говорить непосредственно о тексте диссертационного исследования, то авторская позиция изложена научным языком, иногда, правда, заставляющим перечитывать мысль не один раз. Она обнаруживает логичность и в целом последовательна, удачно подкреплена эмпирическим и фактическим материалом. Вместе с тем, в ряде случаев оригинальные авторские задумки и идеи представлены в очень сжатой (или, точнее, свернутой) форме и полноценно предстают лишь после знакомства с авторской концепцией в целом.

В рамках первой главы раскрывается содержание понятий «историческая политика» и «политика памяти», сопоставляются различные интерпретативные модели, ставится проблема терминологических разночтений. Автор анализирует алгоритмы реализации мемориальной политики, сопоставляя теоретические модели и реальную практику. Далее он классифицирует причины и факторы трансформации политики памяти в отношении событий Второй мировой войны, предлагает «деление» государств в зависимости от их отношения к ревизии соответствующего мемориального нарратива. Диссертант выявляет причины и движущие факторы данного процесса, а на основе полученных выводов предлагает собственную методику анализа ситуации / системы политики памяти. Логика последней такова: на первом этапе выявляются доминирующие причины и факторы трансформации, на втором исследуются релевантные процессы, происходящие в сфере символической политики.

Вторая глава посвящена изучению политики памяти о Второй мировой войне в СССР и современной России. Автор освещает этапы формирования советской мемориальной концепции, раскрывая вопрос о влиянии на нее

политической конъюнктуры; анализирует реакцию населения СССР на попытки политической трансформации мнемонического нарратива, прослеживает трансформацию мемориальной символики и связанных с нею ритуалов. Диссертант приходит к выводу о том, что комплекс символов и ритуалов, созданных в советский период, равно как и исторический нарратив, подвергнутый впоследствии деидеологизации, был позитивно воспринят широкими слоями населения и в итоге стал играть роль фундамента, на котором выстраивается мемориальная политика Российской Федерации.

Продуктивен вывод автора о том, что политика памяти Российской Федерации первоначально носила инерционный характер, а ее последующая динамика была обусловлена распадом советской идентичности, потребностью в легитимации нового строя, сменой геополитического статуса, что привело, в конечном счете, к тому, что она приобрела сугубо конъюнктурный и бессистемный характер. Диссертант отмечает, что стабилизация новой социально-экономической и политической системы «сформировала» запрос на выстраивание комплексной политики памяти, ориентированной на поддержание и воспроизводство позитивной модели национально-государственной идентичности и позиционирования России на международной арене в положительном ключе.

Третья глава посвящена анализу мемориальной политики официальных властей Польши, для которой характерна антироссийская направленность. Автор замечает, что в роли ключевых факторов, определивших содержание политики памяти, здесь выступили стремление истеблишмента к «европеизации» и потребность в легитимации новой политической модели за счет демонизации всех прежних режимов. Диссертант подчеркивает наличие в официальном мемориальном дискурсе Варшавы националистического сегмента, равно как и элементов, способствующих разжиганию ненависти в отношении этнических евреев, белорусов и украинцев. Он полагает, что в краткосрочной перспективе, с точки зрения достижения поставленных элитами целей, данная мемориальная модель может быть успешной. Однако

дальнейшая реализация соответствующего курса в рамках политики памяти чревата возникновением геополитической конфронтации, а также ростом масштабов правого экстремизма. Одним из факторов гармонизации ситуации (хотя быть может речь следует вести о «позитивной ресемантизации») автор считает наличие сравнительно большой массы носителей прежней мемориальной традиции и образа общего врага в лице исторических военнизированных объединений украинских националистов.

В четвертой главе диссертант исследует опыт мемориальной политики Германии. Он указывает, что власти ФРГ в рамках политики памяти не могут разрешить проблему ответственности Германии за развязывание Второй мировой войны и связанные с ней военные преступления в форме, приемлемой и для широких слоев населения, и для международной общественности. Ситуацию затрудняет отсутствие единой модели восприятия событий среди самого германского общества, в том числе по причине амбивалентного позиционирования событий прошлого в ГДР и ФРГ. Автор отмечает, что стремясь придать Германии образ «жертвы», официальный Берлин выстраивал политику памяти в рамках модели вынужденной демонизации СССР и России. Вместе с тем, отрицательное позиционирование образа Красной Армии в случае Германии ориентировано на обслуживание внутривнутриполитических нужд и не преследует цели обоснования конфронтации с Россией, в отличие от мемориального режима Польши.

Диссертант приходит к выводу, что мемориальная политика ФРГ в отношении событий Второй мировой войны оценивается как утратившая эффективность: мемориальный режим не обеспечивает ни консолидации нации вокруг общего образа прошлого, ни смены восприятия роли Германии в войне на международной арене. Согласно мнению автора, выходом из ситуации может стать взятие на вооружение подходов, использовавшихся в рамках позиционирования истории войны политическим руководством Австрии и ГДР, предполагавших сочетание отказа от попыток апологии

«третьего рейха» с акцентированием внимания на то, что именно его подданные стали первыми жертвами репрессий нацистского режима.

В рамках пятой (деонтологической в методологическом плане) главы сформулированы предложения относительно оптимизации мемориальных режимов в отношении событий Второй мировой войны. По мнению автора, мемориальная политика должна быть выведена из-под влияния конъюнктуры и обрести в долгосрочной перспективе устойчивый и последовательный характер. Внутри мемориального нарратива должен преобладать компонент национальной традиции, обеспечивая ее функционирование в качестве источника ингруппового фаворитизма. В то же время для конструирования данной модели могут быть заимствованы элементы «внешней» мемориальной традиции, что имеет целью предотвратить дегуманизацию «исторического противника», наделить его представителей понятной мотивацией действий, тем самым создавая основания для примирения двух сторон. В рамках урегулирования внутренних мемориальных конфликтов автор предлагает использование такого инструмента, как закрепление компромиссных трактовок травмирующих событий посредством подписания мнемоническими акторами соответствующих публичных соглашений.

Отдельно отметим закономерный интерес диссертанта к повышению роли профессиональных историков в формировании исторического нарратива, увеличению коммерческой привлекательности мемориального контента, создаваемого в сегменте популярной культуры, и ведению государством активной работы с новыми мнемоническими акторами.

Выводы, изложенные в заключении диссертационного исследования, свидетельствуют о наличии существенного потенциала развития у моделей мемориальной политики России, Германии и Польши. В научный оборот вводится обширный пласт релевантного эмпирического материала, ранее незнакомого исследователям. Заметим, что автор не предпринимает попытки аналитического описания мемориального нарратива с позиций его исторической достоверности, а сосредотачивается на выявлении стратегии и

функциональных алгоритмов политики памяти. Он выявляет условия, при которых скрытые ресурсы соответствующих мнемонических акторов могут быть реализованы, а также намечает векторы популяризации соответствующего опыта в глобальных масштабах.

Достоинством работы является наличие авторской модели политики памяти, разработанной с учетом не только национального, но и международного опыта. В процессе освоения эмпирического материала диссертант выявил основные закономерности трансформации политики памяти о Второй мировой войне как на глобальном, так и национальном уровне, проследил этапы ее развития в каждом конкретном случае и выделил движущие силы данного процесса; предложил оригинальную модель классификации типовых мемориальных режимов, автор не только акцентировал внимание на их достоинствах и недостатках, но и сформулировал способы устранения сопутствующих политических рисков.

В целом, диссертант сумел четко сформулировать исследовательские задачи и грамотно отразить их в структуре исследования, что позволило в итоге достичь искомой цели. Положения, выносимые на защиту, отличаются оригинальностью и наличием высокого дискуссионного потенциала.

Диссертационное исследование представляет собой самостоятельный законченный научный труд. Структурные элементы работы логически и смысловым образом связаны между собой. Объем диссертационного исследования составляет 371 страницу. Список источников и литературы включает в себя более 200 наименований, включая публикации на английском языке. Автореферат соответствует тексту диссертации.

В то же время необходимо высказать ряд предложений и замечаний:

1. Автор концентрирует внимание преимущественно на государственной политике памяти, мемориальный нарратив прочих мнемонических акторов рассматривается по остаточному принципу.

2. Теоретическая часть исследования выиграла бы от конкретизации преимуществ авторской трактовки понятия «политика памяти» по сравнению с прочими вариантами его определения.

3. Диссертант порой замалчивает научную перспективу конкретных тезисов, используя «слабые формулировки» собственных идей, что вуалирует их реальную оригинальность и новизну.

4. Автор периодически использует лексику, характерную скорее не для научного, а публицистического стиля речи, что, конечно, добавляет живости тексту, но не раскрывает собственно исследовательской стороны дела.

5. При оформлении ссылок допущены определенные отклонения от стандартов, не носящие, впрочем, критического характера.

Следует также выразить «источниковедческое» пожелание на будущее. Источниковая база имеет большой ресурс для своего масштабирования, что и должно быть реализовано при дальнейшей разработке столь актуальной темы.

Перечисленные замечания, высказанные предложения и пожелания не затрагивают ключевых положений диссертации, отраженных в положениях, выносимых на защиту, и потому не влияют на общую положительную оценку рецензируемого исследования. Их следует рассматривать в первую очередь как векторы последующего развития научных изысканий автора.

Диссертационное исследование написано на высоком научном уровне. В процессе работы над ним соискатель продемонстрировал знания и навыки, соответствующие уровню компетенции доктора наук. Полученные диссертантом результаты получили отображение в достаточном количестве научных публикаций. Основные результаты исследования также прошли апробацию в рамках 20 международных, всероссийских и межрегиональных научных конференций.

Диссертация Белова Сергея Игоревича на тему «Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны в 2008—2018 гг.», представленная на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии, может быть признана завершенным научным исследованием и соответствует пунктам 2, 6, 8, 11 паспорта специальности 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии, удовлетворяет требованиям раздела II «Критерии, которым должны отвечать диссертации на соискание ученых степеней» Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 20.03.2021), а ее автор заслуживает присвоения искомой ученой степени доктора политических наук по вышеуказанной специальности.

Отзыв ведущей организации подготовлен заведующим кафедрой философии, доктором философских наук, доцентом Смирновым Дмитрием Григорьевичем; профессором кафедры философии, доктором философских наук Тимофеевым Михаилом Юрьевичем; доцентом кафедры истории России, кандидатом исторических наук Юдиным Кириллом Александровичем, обсужден и утвержден на расширенном заседании кафедры философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» 30 августа 2021 года, протокол № 1.

Заведующий кафедрой философии
Института гуманитарных наук
Ивановского государственного университета,
доктор философских наук, доцент

Д. Г. Смирнов

Подпись *Смирнов Дмитрий Григорьевич* заверяю
Ученый секретарь совета ИвГУ
Михаил Викторович
«10» 08 2021 г.

